

КОМАНДОВАНИЕ И ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБЪ.

Въ № № 945, 946 и 947 «Развѣдчика» за 1908 годъ г. Н. Лопушанскій разбираетъ нѣкоторыя положенія моей статьи о специальности генеральнаго штаба, помѣщенной въ № 4 «Военнаго Сборника» за 1907 годъ, отвергаетъ мой конечный выводъ, что она заключается въ изученіи противника, и даетъ свое опредѣленіе генеральнаго штаба.

„Въ арміи, говоритъ г. Н. Лопушанскій, исторически образовались различныя составныя части, пѣхота, кавалерія, артилерія, инженерныя войска, вспомогательныя техническія;... необходимо объединить ихъ дѣятельность и направить къ одной цѣли.. значитъ, въ арміи нуженъ органъ, который приметъ на себя исполненіе задачъ: отдѣльныя составныя части ея привести къ состоянію организма и направить дѣятельность его къ достиженію одной цѣли—боевая годность арміи“. Такимъ органомъ и является генеральный штабъ: въ мирное время его дѣятельность касается „веденія арміи, подразумѣвая подъ этимъ все то, что связано съ подготовкой арміи“, а въ военное „.. генеральному штабу надлежитъ вѣдать тѣми отраслями военнаго дѣла, которымъ Мольтке приписываетъ важную роль: стратегія, искусство управленія войсками, веденіе, командованіе“.

Дѣлая здѣсь ссылку на Мольтке, г. Н. Лопушанскій имѣетъ въ виду слѣдующую фразу его, которую я считаю нужнымъ привести цѣликомъ:

„Въ будущей войнѣ самую важную роль будутъ играть стратегія и искусство управленія войсками. Наши войны и побѣды научили нашихъ враговъ, и они теперь не уступаютъ намъ въ числѣ, вооруженіи и му-

воспитывать и обучать войска съ цѣлью выработать изъ нихъ орудіе, пригодное для рѣшенія всякихъ задачъ, которыя могутъ представиться на войнѣ ¹⁾). Конечно, поставленный лицомъ къ лицу съ массой въ тысячи и десятки тысячъ людей, начальникъ единолично не въ силахъ былъ бы справиться съ такой задачей; но іерархическая организація войскъ—последовательное подраздѣленіе массы людей каждый разъ на небольшое число болѣе мелкихъ группъ, подчиненныхъ каждая особому начальнику, последовательное подчиненіе начальниковъ мелкихъ частей начальникамъ болѣе крупнымъ—превращаетъ массу людей въ одинъ цѣльный организмъ, покорный волѣ одного начальника и потому способный подвергнуться его воздѣйствію въ желаемомъ направленіи. Такимъ образомъ, командованіе осуществляется, благодаря іерархической организаціи войскъ, которая позволяетъ работу начальника надъ ними разложить на всѣхъ подчиненныхъ ему начальниковъ разныхъ степеней и тѣмъ не менѣе сохранить въ своихъ рукахъ все руководство ею.

Орудіемъ воздѣйствія начальника на войска служитъ его слово. Если войсковая часть не велика, начальникъ устно передаетъ ей свою волю. Для болѣе крупныхъ частей устная передача не приемлема, и начальнику приходится прибѣгать къ другимъ способамъ—къ письменному изложенію или къ напечатанію своихъ приказаній и передачъ ихъ при помощи болѣе совершенныхъ, а слѣдовательно, и болѣе сложныхъ средствъ сообщенія. Пользованіе ими связано, однако, съ затратой болѣе или менѣе значительнаго труда и времени, которыхъ начальникъ не можетъ отнять отъ своего прямого дѣла, командованія войсками. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственное обращеніе начальника къ войскамъ неосуществимо, работа передачи его воли войскамъ возлагается на особыя органы, штабы, въ распоряженіе которыхъ даются и разнаго рода средства связи.

Понятно, что чѣмъ крупнѣе войсковая часть, тѣмъ большія требованія должны быть предъявляемы къ начальнику ея въ смыслѣ знанія военнаго дѣла и служебнаго опыта. вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ требованія и къ его штабу: послѣдній долженъ обслуживаться людьми съ достаточно широкимъ военнымъ кругозоромъ, чтобы понимать и умѣть передать войскамъ болѣе сложные идеи началь-

¹⁾ Хозяйственно-административныя заботы никоимъ образомъ не могутъ быть включены въ понятіе командованія; и если на практикѣ онѣ отнимаютъ у строевого начальника большую часть силъ и времени, то это, повидимому, неизбежное зло, которое до сихъ поръ не удается устранить.

никовъ крупныхъ частей. Тѣмъ не менѣе сущность работы и начальника, и его штаба остается всегда одна и та же: начальникъ единолично и полновластно командуетъ своими войсками въ предѣлахъ закономъ предоставленной ему власти, штабъ излагаетъ его приказаніе и передаетъ его войскамъ, а подчиненные ему начальники всѣхъ степеней осуществляютъ его на дѣлѣ.

Вдумываясь въ эту схему управленія войсками, никакъ нельзя усмотрѣть, гдѣ тотъ пробѣлъ, который нуждался бы въ заполненіи его учрежденіемъ, подобнымъ генеральному штабу. И г. Н. Лопушанскій въ своей статьѣ тщетно пытается найти его. На поставленный себѣ вопросъ: «какимъ же потребностямъ долженъ отвѣчать современный генеральный штабъ»? г. Н. Лопушанскій отвѣчаетъ словами, приведенными въ началѣ этой статьи: « . . . въ арміи нуженъ органъ, который принялъ бы на себя исполненіе задачи: отдѣльныя составныя части ея привести къ состоянію организма и направить дѣятельность его къ достиженію одной цѣли— боевая годность арміи. Этимъ органомъ долженъ быть генеральный штабъ». Какъ извѣстно, не только нынѣ, но и въ прежнія времена, бывали арміи, состоявшія изъ разнородныхъ частей; но превращеніе ихъ въ одинъ цѣльный организмъ достигалось всегда однимъ способомъ—іерархическимъ устройствомъ и подчиненіемъ ихъ волѣ одного вожда. Этого оказывалось вполне достаточно, чтобы объединить ихъ дѣятельность и направлять ее къ одной цѣли, и вовсе не нужно было для этого изобрѣтать еще и генеральный штабъ.

Оригинально и назначеніе, которое г. Н. Лопушанскій придаетъ генеральному штабу въ дальнѣйшемъ разсужденіи. «Каждая армія», говоритъ онъ, «въ развитіи своихъ основныхъ свойствъ должна стремиться къ опредѣленному идеалу»; у насъ « . . . въ послѣдующее послѣ Императора Николая Павловича время это стремленіе ослабѣвало, а затѣмъ и вовсе прекратилось... вопросы боевой подготовки отошли на задній планъ, административно-хозяйственные заняли первенствующее мѣсто. У насъ не знали своей арміи, а въ ней то вся суть. Необходимъ органъ, который зналъ бы армію и военное дѣло и способствовалъ веденію ея въ мирное время въ духѣ устоевъ, исторически сложившихся для нея». Какъ видно, г. Н. Лопушанскій полагаетъ, что у насъ начальники, на которыхъ лежитъ вся подготовка арміи въ мирное время, утратили всякіе идеалы, не знаютъ своей арміи, не знаютъ военного дѣла, а потому нуженъ генеральный штабъ, который, зная и то, и другое, способствовалъ бы подготовкѣ арміи. Я не касаюсь

здѣсь исторической вѣрности этого факта, оставляя его на отвѣтственности г. Н. Лопушанскаго; меня интересуетъ только его выводъ изъ него. И я не могу не высказать удивленія, какъ можно еще уповать на генеральный штабъ для поднятія арміи послѣ того, какъ онъ уже успѣлъ доказать свою непригодность къ этому за три четверти вѣка своего существованія: вѣдь никто другой, какъ самъ же г. Н. Лопушанскій свидѣтельствуемъ, что послѣ Императора Николая Павловича подготовка арміи у насъ падала все болѣе и болѣе параллельно съ исчезновеніемъ у начальниковъ стремленія къ идеалу. Но допустимъ, что мысль г. Н. Лопушанскаго о необходимости генеральнаго штаба, какъ органа, «который зналъ бы армію и военное дѣло и способствовалъ веденію ея въ мирное время», осуществилась бы, въ какомъ положеніи по отношенію къ нему оказались бы начальники, вожди арміи, на которыхъ именно и лежитъ веденіе ея въ мирное время, но которые, по словамъ г. Н. Лопушанскаго, не знаютъ ни ея, ни военного дѣла? Имъ придется или подчиниться генеральному штабу, или раздѣлить съ нимъ свои функціи по управленію войсками: а между тѣмъ и то, и другое одинаково противорѣчитъ представленію о единствѣ и полнотѣ власти начальника. Для г. Н. Лопушанскаго это противорѣчіе прошло незамѣченнымъ; а между тѣмъ въ былыя времена оно чувствовалось многими. И такъ какъ объяснить причины его не удавалось по невыясненности спеціальности генеральнаго штаба, то возникло ученіе о необходимости особеннаго такта въ офицерахъ генеральнаго штаба, за которыми какъ бы признавалось право руководить своими начальниками, но въ то же время требовалось, чтобы это дѣлалось тактично, незамѣтно для самаго начальника. Нечего и говорить, что подобное положеніе совершенно недопустимо въ военномъ дѣлѣ.

Лично я изъ приведенной г. Н. Лопушанскимъ исторической справки сдѣлалъ бы другой выводъ. Разъ въ нашей арміи у начальниковъ утратилось стремленіе къ идеалу, разъ они не знаютъ своихъ войскъ и военного дѣла, а между тѣмъ на нихъ лежитъ подготовка арміи къ войнѣ, то помочь имъ слѣдуетъ не созданіемъ особаго органа въ лицѣ генеральнаго штаба, который во всякомъ случаѣ не можетъ нести тѣхъ же функцій, что и начальники, а поднятіемъ уровня послѣднихъ, привитіемъ имъ недостающихъ знаній и стремленій. Если же этого сдѣлать нельзя, если созданіе соотвѣтствующаго своему назначенію кадра начальниковъ неосу-

щественно, то надо отказаться и отъ мысли поднять боевую годность арміи— она всецѣло зависитъ отъ качества ея вождей.

Наконецъ, г. Н. Лопушанскій указываетъ еще одну область, гдѣ генеральный штабъ долженъ найти себѣ примѣненіе въ мирное время, а именно: быть на стражѣ интересовъ своей арміи по части ознакомленія ея со всякими новостями военнаго дѣла, что «составляетъ первѣйшую задачу хорошаго генеральнаго штаба». По поводу этого я замѣчу только, что эта функція генеральнаго штаба, хотя и отличенная эпитетомъ «первѣйшая», упоминается, однако, чуть ли не такъ, между прочимъ, въ самомъ концѣ статьи и, очевидно, ни какъ не вяжется съ его назначеніемъ объединять работу разнородныхъ составныхъ частей арміи или вѣдать командованіемъ, искусствомъ управленія войсками и т. п.

Безуспѣшность попытокъ г. Н. Лопушанскаго указать сферу дѣятельности генеральнаго штаба въ управленіи войсками только рѣзче подтверждаетъ справедливость высказаннаго мною положенія, что генеральному штабу нѣтъ мѣста въ управленіи войсками въ мирное время, въ дѣлѣ воздѣйствія начальника на подчиненныя ему войска, и потому его туда и не втиснешь: его выпреть либо вверхъ, въ сферу дѣятельности начальника, либо внизъ, въ штабную работу; и ни тутъ, ни тамъ онъ не нуженъ.

На войнѣ командованіе имѣетъ совершенно другой характеръ. На войнѣ управлять, командовать войсками значитъ вести ихъ противъ непріятеля съ цѣлью разбить его. Здѣсь объектомъ дѣятельности начальника является уже не ввѣренная ему часть, а противникъ, цѣлью ея не подготовка войскъ, а побѣда надъ противникомъ, орудіемъ не слово начальника, а его войска. Задача начальника на войнѣ— одолѣть противника при помощи того орудія, которое онъ для этой цѣли подготовилъ себѣ въ мирное время; и совокупность дѣйствій его, направленныхъ къ рѣшенію этой задачи, и составляетъ веденіе, управленіе войсками, командованіе. Начальникъ является на войну со ввѣренными ему войсками, какъ съ готовымъ орудіемъ, послушнымъ каждому его приказанію и способнымъ выполнить все, что отъ него потребуется, благодаря надлежащей организаціи и подготовкѣ его въ мирное время. Начальнику хорошо извѣстны свойства своей части, онъ знаетъ, что онъ можетъ потребовать отъ нея и чего она не въ силахъ дать, знаетъ, какимъ способомъ подвигнуть ее на то или другое усиліе. Вслѣдствіе этого отношенія его къ подчиненнымъ ему войскамъ въ военное время проще, чѣмъ въ мирное, и еще менѣе даютъ

основаній для созданія особаго органа между ними: приказаніе начальника формулируется и передается войскамъ его штабомъ, войска исполняютъ его. Но надлежащая формулировка воли начальника, быстрая передача ея войскамъ и точное ея выполненіе ими еще не гарантируютъ успѣха въ борьбѣ съ противникомъ. Онѣ свидѣтельствуютъ только о томъ, что войска одинаково хорошо выполнять всякое приказаніе: бурной волной докатятся отъ Москвы до Парижа—и терпѣливо будутъ отступать отъ береговъ Желтаго моря до Мукдена и Тѣлина; неудержимо, сметая передъ собой, полѣзутъ на Измаильскія твердыни—и сдадутъ безсилно передъ Плевненскими окопами; будутъ умирать безропотно до послѣдняго человѣка на развалинахъ Михайловскаго укрѣпленія и Севастополя и со смертельной тоскою въ душѣ пойдутъ въ позорный плѣнъ по сдачѣ Портъ-Артура. Все зависитъ отъ приказанія, которое они получаютъ. Нужно, значить, такое приказаніе, которое вело бы ихъ къ желанной цѣли, къ одолѣнію противника; безъ этого, какъ хорошо ни функционировали бы штабы и служба связи, какъ бы ни были дисциплинированы и втянуты въ боевую жизнь войска, управленіе ими, командованіе будетъ неудовлетворительно.

Такимъ образомъ на войнѣ центръ тяжести вопроса о командованіи переносится въ сущность, въ содержаніе приказанія начальника. На войнѣ тотъ начальникъ командуетъ хорошо, приказанія котораго ведутъ къ побѣдѣ. Поэтому главное вниманіе начальнику придется посвящать рѣшенію вопроса, что же дѣлать со своими войсками, куда и какъ ихъ вести, какое дать имъ приказаніе. Разрабатывая этотъ вопросъ, начальникъ естественнымъ образомъ начнетъ съ изученія противника, той комбинаціи элементовъ, которая противопоставлена ему непріятельскимъ вождемъ и которую ему предстоитъ одолѣть. И чѣмъ онъ полнѣе и обстоятельнѣе изучитъ его, тѣмъ цѣлесообразнѣе будутъ его приказанія, тѣмъ обезпеченнѣе успѣхъ и тѣмъ лучше, значить, командованіе, управленіе войсками на войнѣ. Если позволить себѣ сравненіе, я сказалъ бы, что начальникъ подобенъ борцу съ мечомъ, заранѣе имъ кованымъ и отточеннымъ, которымъ онъ владѣетъ въ совершенствѣ; но всѣ достоинства его оружія, все его искусство владѣть имъ не спасутъ его отъ пораженія, если онъ вступитъ въ борьбу съ завязанными глазами: онъ долженъ видѣть противника, чтобы оцѣнить каждое его движеніе и своевременно и въ надлежащемъ направленіи нанести ему ударъ или отпарировать его нападеніе. Такъ и на войнѣ: начальникъ долженъ знать своего противника и

непрерывно слѣдить за нимъ, чтобы надлежащимъ образомъ распоряжаться своими войсками. Отсюда вытекаетъ первостепенное значеніе для начальника знанія своего противника.

Г. Н. Лопушанскій, повидимому, несогласенъ съ этимъ. «Арміи», говоритъ онъ, «нѣтъ дѣла до того, насколько плохъ тотъ или другой изъ будущихъ противниковъ; ей нечего также ожидать полученія уроковъ отъ того или другого изъ нихъ; ей самой надо стать лучше другихъ армій и быть годной къ поученію другихъ»; поэтому изучать надо свои войска: «сущность то въ нихъ, а не въ противникѣ». Все это вѣрно и справедливо, и потому повсюду свои войска и изучаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ прилагаются и всѣ усилія, чтобы поставить армію на возможно высокую степень совершенства; но это дѣло мирнаго времени. На войнѣ же объектъ дѣйствій начальника—противникъ, и тамъ первостепенное значеніе получаютъ знаніе противника и изученіе его, потому что этимъ знаніемъ прежде всего опредѣляются рѣшенія начальника. Въ критикуемой г. Н. Лопушанскимъ статьѣ моей я именно проводилъ ту мысль, что цѣль изученія противника—выясненіе сопротивленія, которое создается непріятельскимъ вождемъ и которое встрѣтитъ начальникъ въ своемъ стремленіи къ побѣдѣ; объ урокахъ, которые армія можетъ извлечь изъ изученія другихъ армій, я, если и упоминалъ, то лишь мимоходомъ. Г. Н. Лопушанскій, повидимому не замѣтилъ этого ¹⁾; и, придерживаясь своего пониманія командованія, соответствующаго условіямъ мирнаго времени, полагаетъ, что и на войнѣ сущность въ знаніи своихъ войскъ, а знаніе противника, не имѣетъ значенія. Что это далеко не такъ, я позволю себѣ пояснить нѣсколькими ссылками, впрочемъ, всѣмъ хорошо извѣстными, на нѣкоторые факты изъ сравнительно недавняго прошлаго.

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія наши кавказскія войска, какъ орудіе войны, стояли несомнѣнно выше своихъ среднеазиатскихъ враговъ—они были болѣе культурны и дисциплинированы, лучше организованы и вооружены и располагали гораздо болѣе богатыми средствами, имѣя за собой всю Россію. По г. Н. Лопушанскому, успѣхъ въ борьбѣ между ними и среднеазиатскими полчищами долженъ былъ неизмѣнно сопровождать ихъ знамена; но исторія говоритъ иное.

¹⁾ Чѣмъ объясняется значительная часть его критическихъ замѣчаній на мою статью.

Въ 1873 г. весной отрядъ полковника Маркозова, двинутый къ Хивѣ изъ Красноводска и Чикишляра, дошелъ только до колодцевъ Ортакую, въ 340 верстахъ отъ Хивинскаго оазиса, а затѣмъ долженъ былъ вернуться. Произведенная вслѣдъ затѣмъ Скобелевымъ рекогносцировка убѣдила его, что, продолжая движеніе впередъ, отрядъ легко могъ погибнуть отъ безводья и зноя. Очевидно, полковникъ Маркозовъ не зналъ своего противника — условій мѣстности и климата, которыя и побѣдили его, заставивъ вернуться назадъ— подъ угрозой погубить безцѣльно весь отрядъ.

Точно также генералъ Лазаревъ, а послѣ него генералъ Ломакинъ, предводительствовавшіе экспедиціей противъ текинцевъ въ 1879 году, пренебрегли изученіемъ противника. Лазаревъ не ожидалъ — почему, неизвѣстно — упорнаго сопротивленія, поэтому не озаботился надлежащимъ снабженіемъ промежуточныхъ базъ отряда продовольствіемъ (въ Бендесенѣ и Ходжакала магазинъ на 7 недѣль) ни достаточнымъ количествомъ перевозочныхъ средствъ (всего 6,700 верблюдовъ); къ оплоту текинцевъ, крѣпости Денгиль-тепе (Геокъ-тепе), подвелъ слишкомъ слабыя силы — 6 баталіоновъ и 8 эск. и сотень, причемъ сила нѣкоторыхъ баталіоновъ опредѣлялась всего въ 200 чел., тогда какъ въ крѣпости было, какъ полагають, до 15,000 чел.; пренебрегъ рекогносцировкой крѣпости передъ штурмомъ — и атаковалъ болѣе законченный постройкою фронтъ, западный, тогда какъ южный даже не былъ еще начатъ постройкою. Вслѣдствіе этого штурмъ крѣпости былъ отбитъ, на немедленное повтореніе его не рѣшились по недостатку силъ, а вслѣдъ затѣмъ недостатокъ продовольствія (отрядъ взялъ съ собою изъ Бендесена запасовъ на 15 дней только) заставилъ отступить въ Бендесенъ, Терсаканъ и далѣе назадъ въ Дузь-Олумъ. И здѣсь неудача постигла превосходныя кавказскія войска, безстрашно шедшія на штурмъ Денгиль-тепе, только потому, что начальники ихъ не изучили противника (комбинаціи войскъ, оружія, мѣстности и пр.).

Но вотъ на театрѣ дѣйствій появляется полководецъ, отмѣченный божественной искрой таланта; начальникомъ экспедиціи противъ текинцевъ назначается Скобелевъ, — и тотчасъ же всѣ мѣропріятія по подготовкѣ къ борьбѣ съ непріателемъ пріобрѣтають въ высшей степени планомѣрный и цѣлесообразный характеръ, опредѣляясь исключительно знаніемъ противника, того сопротивленія,

которое предстоит одолѣть. Организуется въ широкихъ размѣрахъ подвозъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ къ промежуточной базѣ у Бами и къ войскамъ путемъ сбора 20,000 верблюдовъ. Въ Бами (112 верстъ отъ Денгиль-тепе, ближе чѣмъ база Ломакина—Бендесень) заготавливается 6-ти мѣсячная пропорція продовольственныхъ запасовъ. Отрядъ составляется изъ тѣхъ же испытанныхъ кавказскихъ войскъ, но общая численность его уменьшается для облегченія продовольственныхъ заботъ. Артилерія придается отряду въ несоразмѣрно большомъ количествѣ, такъ какъ «нигдѣ, какъ въ Средней Азій, не придаютъ такого значенія артиллерійскому огню ¹⁾».

При снабженіи войскъ всѣмъ необходимымъ принимаются во вниманіе особенности климата и пустынной страны, чуть не погубившія отрядъ Маркозова: имъ даютъ особенныя рубашки, полушубки, кибитки, кошмы и т. п. Въ началѣ іюля, пока подготавлилась база въ Бами Скобелевъ производитъ отважную рекогносцировку крѣпости Денгиль-тепе (Геокъ-тепе) съ отрядомъ въ 800 чел. при 10 орудіяхъ, хотя въ крѣпости насчитывалось до 25,000 чел. защитниковъ подъ начальствомъ опытнаго и понимающаго военное дѣло батыря Тыкма сердаря. Скобелевъ рѣшается на этотъ рискованный набѣгъ, ясно давая себѣ отчетъ, для чего онъ это дѣлаетъ: приблизившись къ крѣпости, онъ въ ожиданіи нападенія текинцевъ даетъ своему отряду инструкціи, въ которыхъ, между прочимъ, говоритъ: «... Я убѣжденъ, что при молодецкомъ веденіи отрядъ вернется съ честью». Общее впечатлѣніе всего этого смѣлаго движенія оправдываетъ рискъ. Въ Азій надо бить по воображенію... Бомбардировка Геокъ-тепе съ горстью людей и благополучное возвращеніе отряда отзовутся во всей Азій. И, дѣйствительно 6-го іюля онъ подошелъ со своимъ отрядомъ къ крѣпости Геокъ-тепе и въ теченіе часа бомбардировалъ ее. Затѣмъ, обрекогносцировавъ крѣпость и выяснивъ, что овладѣть ею нельзя ни штурмомъ, ни обложеніемъ, а скорѣе всего ускоренной атакой, отрядъ сталъ отходить, преслѣдуемый непріателемъ, не рискнувшимъ, однако, на рѣшительную атаку. На ночлегѣ у Егянь-батырь-кала съ 6-го на 7-е іюля, Скобелевъ, зная противника, предупреждаетъ

¹⁾ Цитаты эта и слѣдующія взяты изъ живого и поучительнаго очерка г. М. Полянскаго: «Михайлъ Дмитріевичъ Скобелевъ»—въ третьей книжкѣ Общества ревнителей военныхъ знаній за 1908 годъ.

свой отрядъ, что ночью можно ожидать нападенія текинцевъ и даже высчитываетъ когда именно: «2 часа текинцы 'будутъ ужинать, 2 часа совѣщаться и 2 часа, чтобы придти сюда отъ Геокъ-тепе... стало быть, такъ въ третьемъ часу они сдѣлаютъ нападеніе», говоритъ онъ командиру батареи Полковникову. И дѣйствительно, Тыкма сердарь въ 2 часа ночи подошелъ къ Егянь-батыръ-кала съ 1,000 чел. конницы и 2,000 чел. пѣхоты. И опять знаніе противника подсказало Скобелеву надлежащій образъ дѣйствій: «на крики текинцевъ и выстрѣлы ихъ изъ самого отряда, по приказанію Скобелева, не отвѣчали»,—и текинцы не рискнули броситься въ рукопашную и отступили. «Сдѣлай вы хоть одинъ выстрѣлъ—и мы бросились бы на васъ!» говорилъ впоследствии Тыкма сердарь по этому поводу.

О глубокомъ знаніи Скобелевымъ противника свидѣтельствуя также и приказы его въ этомъ походѣ. Вотъ что, напримѣръ, говорится въ инструкціи, данной войскамъ передъ штурмомъ селенія Янги-кала 20 декабря 1880 года. «Непріятель храбръ и искусенъ въ одиночномъ бою. Стрѣляетъ мѣтко и снабженъ хорошимъ холоднымъ оружіемъ, но дѣйствуетъ въ разсыпную, мало послушенъ волѣ предводителя. Какъ основной принципъ, въ Средней Азіи всеилень сомкнутый строй.—По всему вѣроятію, мы должны будемъ одолѣть упорное сопротивленіе, за каждымъ закрытіемъ можемъ встрѣтить отчаянный, смертельный бой на ножахъ и ятаганахъ. Будемъ бить противника тѣмъ, чего у него нѣтъ. Воспользуемся дисциплиною и нашимъ скорострѣльнымъ оружіемъ. Будемъ бить противника сомкнутымъ, послушнымъ, гибкимъ боевымъ порядкомъ, дружными мѣткими залпами и штыкомъ, всегда страшнымъ въ рукахъ людей, сбитыхъ дисциплиною, чувствомъ долга и круговою порукою въ одно могучее тѣло—колонну». Къ кавалеріи Скобелевъ обращается съ такимъ наставленіемъ: «Кавалеріи не вступать въ бой съ текинской конницей въ одиночномъ бою, такъ какъ текинцы ѣздятъ на превосходныхъ лошадяхъ и отлично владѣютъ холоднымъ оружіемъ. Атаку должно производить въ сомкнутыхъ колоннахъ и съ короткаго разстоянія.

... Преслѣдовать текинскую конницу бесполезно—кони ихъ несутся, какъ вихрь».

Изъ этого видно, что Скобелевъ дѣйствія свои, какъ въ подготовкѣ къ войнѣ, такъ и въ столкновеніяхъ съ врагомъ всегда соображалъ съ противникомъ и не задумывался знанію противника

жертвовать даже, казалось бы, твердо установленными принципами военного дѣла: сокращаетъ численность экспедиціоннаго отряда, несоразмѣрно увеличиваетъ артилерію, запрещаетъ преслѣдовать разбитаго врага и т. п. Теперь, издали намъ все это кажется весьма простымъ и естественнымъ: чего же, въ самомъ дѣлѣ, преслѣдовать конницу, которая сидитъ на лучшихъ коняхъ? или какъ не обрекогносцировать крѣпость передъ атакою ея? это такъ ясно и очевидно, что никакой геніальности не нужно, чтобы понять это. И однако... предшественники Скобелева не уловили необходимости подобныхъ мѣропріятій для дѣйствій въ Средней Азіи, потому что... не считались съ противникомъ, пренебрегли его изученіемъ и, слѣдовательно, не могли и знать сопротивленія, которое встрѣтять.

Заканчивая свой очеркъ краткой характеристикой Скобелева, г. М. Полянскій въ немногихъ словахъ очень выпукло отгѣнили ту основную черту, благодаря которой Скобелевъ въ ахалтекинской экспедиціи выдвинулся въ ряды выдающихся полководцевъ. «...Беззавѣтно храбрый, всегда во главѣ тѣхъ небольшихъ конныхъ отрядовъ, которыми командовалъ, онъ тогда (т. е. въ первое время его службы въ Средней Азіи) стремился къ схваткѣ съ противникомъ въ рукопашную. Не то было, когда онъ сталъ отвѣтственнымъ начальникомъ. Въ это время выдвинулись на первый планъ глубоко разсчитанныя соображенія и осторожность въ дѣйствіяхъ, соединенныя съ непреклонною рѣшимостью; личная же отвага казалась лишь способомъ къ поднятію почему-либо поколебленнаго нравственнаго духа войскъ... Изучая среднеазіатскіе походы Скобелева, а особенно его послѣднюю кампанію, ясно видимъ, что въ ней случайностямъ и риску отведено весьма мало мѣста: все основывалось на строгихъ расчетахъ, вызванныхъ глубокими соображеніями о характерѣ мѣстности и противника». И эти глубоко справедливыя по отношенію къ Скобелеву слова также справедливы по отношенію ко всякому выдающемуся полководцу, потому что всѣ они всегда строили успѣхъ своихъ операцій «на строгихъ расчетахъ, вызванныхъ глубокими соображеніями о характерѣ мѣстности и противника», то есть на тщательномъ изученіи того сопротивленія, которое имъ приходилось одолѣвать.

Такимъ образомъ упрекъ г. Н. Лопушанскаго, будто я преувеличиваю важность изученія противника, я никакъ не могу при-

знать основательнымъ: на войнѣ только знаніе противника позволяетъ вождю дѣлать какіе бы ни было расчеты относительно предстоящихъ ему операцій и давать войскамъ цѣлесообразныя приказанія. Поэтому одной изъ важнѣйшихъ обязанностей начальника на войнѣ является изученіе противника; этого, я думаю, не будетъ отрицать и г. Н. Лопушанскій. Но онъ находитъ, что для изученія противника не нужно особаго органа, генеральнаго штаба: при Наполеонѣ «офицеръ генеральнаго штаба въ такой роли чувствовалъ бы себя просто жалкимъ», а Скобелевъ... «неужели ему былъ нуженъ офицеръ генеральнаго штаба для изученія противника, такъ какъ это было ему не подъ силу?» спрашиваетъ г. Н. Лопушанскій. Правда, ни Скобелеву, ни Наполеону, можетъ быть, и не было нужно офицера генеральнаго штаба; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Скобелевы и Наполеоны не могутъ служить мѣриломъ для насъ, заурядныхъ, среднихъ людей. Наполеонъ могъ работать изо-дня въ день по 20 часовъ въ сутки, не теряя ясности мысли и энергіи воли; передъ боемъ онъ ночи напролетъ проводилъ на конѣ, рекогносцируя противника, и тѣмъ не менѣе въ бою не замѣчалось и слѣдовъ утомленія въ немъ. Къ тому же онъ обладалъ совершенно исключительнымъ даромъ разгадывать своихъ противниковъ — вспомнимъ хотя бы приказъ его войскамъ передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, гдѣ онъ излагаетъ планъ дѣйствій противника и объясняетъ, какъ онъ разобьетъ его. Наконецъ, и арміи того времени, хотя и большія, все же не достигали еще современной числительности, а единственная кампанія, подходящая по величинѣ боровшихся армій къ нынѣшнимъ условіямъ, кампанія 1812 года, кончилась для него неудачей именно вслѣдствіе невѣрной оцѣнки противника. Тоже и Скобелевъ. Въ его походномъ багажѣ, на примѣръ, всегда возилась библіотека, и среди трудовъ боевой жизни онъ находилъ время читать и учиться; заурядный же офицеръ и въ мирное время едва удосуживается просматривать газету, а читать что-либо серьезное случается ему очень рѣдко (см. статью «Любопытная статистика» въ №№ 949, 950 и 951 «Развѣдчика» за 1909 годъ). Скобелевъ имѣлъ случай познакомиться съ азіатами и на практикѣ, принявъ по собственному желанію участіе въ предыдущихъ походахъ нашихъ въ Средней Азіи; изъ обыкновенныхъ же людей далеко не всякій пожелалъ бы промѣнять мирное командованіе частью внутри Россіи на безпокойную походную и боевую жизнь въ полудикой окраинѣ только

изъ любознательности, изъ желанія узнать, что такое война въ тѣхъ условіяхъ, какія представлялись въ Средней Азіи; а если бы у кого-либо и явилось подобное желаніе, то отсутствіе средствъ и связей въ огромномъ большинствѣ случаевъ ставило бы непреодолимыя преграды осуществленію его. Къ тому же въ ахалтекинской экспедиціи Скобелевъ имѣлъ передъ собой противника далеко не такой сложности, какой является на современныхъ поляхъ сраженій — всего какихъ-либо 25,000 воиновъ, все искусство которыхъ состояло въ дикой отвагѣ и въ умѣннй владѣть оружіемъ въ одиночномъ бою. Противникъ былъ сравнительно столь незначителенъ, что многіе не видятъ даже въ этой экспедиціи чего-либо изъ ряду вонъ выходящаго, что давало бы право признавать Скобелева выдающимся полководцемъ. Поэтому и изучать такого противника не представляло особаго труда для Скобелева.

Но что доступно Скобелевымъ и Наполеонамъ, недоступно обыкновеннымъ смертнымъ. Съ другой же стороны тѣ приемы и способы, при помощи которыхъ изучали противника Наполеоны и Скобелевы въ условіяхъ ихъ времени, не примѣнимы для обыкновенныхъ смертныхъ; для нихъ вопросъ долженъ быть поставленъ иначе, а именно: какъ сдѣлать такъ, чтобы начальникъ, обремененный на войнѣ сверхъ силъ работой по управленію своими войсками, могъ вмѣстѣ съ тѣмъ близко узнать противника и непрерывно изучать его, какъ сопротивленіе, которое нужно одолѣть? Задача, по истинѣ, нелегкая, если принять во вниманіе, что противникъ въ нынѣшнія войны представляетъ собою людскую массу въ десятки и сотни тысячъ человѣкъ, расположенныхъ на пространствѣ сотенъ и тысячъ квадратныхъ верстъ, оперирующихъ въ теченіе многихъ дней при мѣняющихся условіяхъ погоды и времени сутокъ. Единственнымъ средствомъ рѣшить подобную задачу является раздѣленіе труда, и г. Н. Лопушанскій къ нему и отсылаетъ. «Поле сраженія»,—говоритъ онъ,—«...будетъ разбито на боевые участки..; на каждомъ изъ нихъ производится наблюденіе и изученіе противника испытанными строевыми начальниками, ихъ наблюденія стекаются къ вождю...» Прибавлю отъ себя, что къ вождю же стекается масса свѣдѣній и изъ другихъ источниковъ — развѣзды, развѣдчики, шпіоны, дезертиры, пресса, даютъ самыя разнообразныя, цѣнныя и пустышныя, вѣрныя и ложныя, ясныя и туманныя, сбивчивыя и противорѣчивыя указанія о противникѣ,

относящаяся къ настоящему, иногда къ будущему, а чаще всего къ прошлому времени; одна пресса въ ея современномъ развитіи можетъ завалить человѣка данными всякаго рода о противникѣ. Махнуть на все это рукой нельзя—знать противника до зарѣзу нужно; разобраться въ нихъ—нужны и время, и отсутствіе другихъ заботъ, а у начальника какъ разъ наоборотъ—заботъ по горло, а времени нѣтъ. Не можетъ онъ также рассчитывать, что начальники боевыхъ участковъ, «испытанные строевые начальники» сами могутъ оцѣнить значеніе подмѣченныхъ ими фактовъ настолько правильно, чтобы вождю оставалось только довѣриться ихъ оцѣнкѣ: одинъ и тотъ же фактъ обыкновенно имѣетъ различное значеніе для начальниковъ разныхъ степеней, и потому оцѣнивается ими различно. Вождю же нужна оцѣнка факта по отношенію къ цѣлому, а такую оцѣнку можетъ дать только онъ самъ. Словомъ, начальники боевыхъ участковъ могутъ оказать помощь вождю въ дѣлѣ изученія противника только доставленіемъ ему фактическаго матерьяла; разобраться же въ этомъ и прочемъ матерьялѣ вождю нужно самому; а на это у него нѣтъ ни времени, ни надлежащаго спокойствія.

Именно усложненіе работы начальника по изученію противника съ появленіемъ массовыхъ армій и вызвало къ жизни особый органъ, генеральный штабъ, который снимаетъ съ начальника эту работу. Нельзя рассчитывать на счастливую случайность, на появленіе въ нужную минуту талантливыхъ вождей, которые, авось, справятся съ трудностями командованія при нынѣшнихъ условіяхъ войны. На войнѣ будутъ командовать средніе люди, и имъ надо облегчить трудъ командованія созданіемъ вспомогательнаго органа, который приметъ на себя изученіе противника и сдѣлаетъ изъ него выводы, полагаемые начальникомъ въ основу своихъ рѣшеній и приказаній войскамъ. Принципъ раздѣленія труда въ сферѣ командованія на войнѣ при условіи сохраненія единства воли—вотъ что вызвало къ жизни генеральный штабъ: командованіе усложнилось необходимостью изучать противника при условіяхъ, при которыхъ силы средняго человѣка оказываются недостаточными; пришлось дать командной власти вспомогательный органъ для этого дѣла; это и есть генеральный штабъ. И слова Мольтке, что сила нѣмцевъ въ будущей войнѣ будетъ заключаться въ веденіи, въ командованіи, словомъ, въ большомъ генеральномъ штабѣ, надо понимать такъ, что командованіе у нѣмцевъ потому будетъ лучше, что оно будетъ

цѣлесообразнѣе, такъ какъ ихъ начальники будутъ лучше знать противника, для изученія котораго у нихъ есть спеціальный органъ, большой генеральный штабъ, уже въ мирное время занятый этимъ дѣломъ и спеціалью подготовляемый къ нему. Такого органа, дѣйствительно, не было у враговъ Германіи въ то время, когда были сказаны эти слова (1887 годъ), а, можетъ быть, и теперь еще не у всѣхъ онъ созданъ и не вездѣ функционируетъ надлежащимъ образомъ.

Мнѣ кажется, приведенные доводы достаточно убѣдительны, чтобы признать безусловную важность въ дѣлѣ командованія на войнѣ знанія противника, вытекающую отсюда необходимость изучать его, крайнюю трудность этого дѣла для начальника и необходимость поручить его особому спеціальному органу, генеральному штабу. Г. Н. Лопушанскій не допускаетъ, однако, существованія такой спеціальности по нѣсколькимъ причинамъ. Онъ очень подробно доказываетъ невозможность имѣть сколько-нибудь точныя свѣдѣнія о противникѣ частью потому, что ихъ вообще нельзя добыть, частью потому, что свѣдѣнія, «собранныя самымъ добросовѣстнымъ и умѣлымъ образомъ, могутъ оказаться совершенно въ другомъ видѣ, когда придется столкнуться съ ними на полѣ сраженія... почему полагаться на ихъ безусловную точность нельзя, а слѣдуетъ принимать ихъ съ большою поправкою въ пользу противника». Но тѣмъ не менѣе на поляхъ сраженій, по словамъ г. Н. Лопушанскаго, все же «...производится наблюденіе и изученіе противника испытанными строевыми начальниками, и ихъ наблюденія стекаются къ вождю...» Не заключайте, однако, изъ этого, что эти наблюденія нужны: г. Н. Лопушанскій тутъ же доказываетъ вамъ, что знаніе противника вещь совершенно ненужная. «Передъ войной съ Турціей», говоритъ онъ, «мы противника не знали, но мы его изучили войною, т. е. наилучшимъ способомъ, и какой же результатъ получился отъ этого изученія? Да никакого. Точно также передъ войною съ Японіей мы ровно ничего не знали о противникѣ, но мы его отлично изучили войною, и что же? Да тоже ничего, все осталось по прежнему». И такъ, по мнѣнію г. Н. Лопушанскаго, изучить противника невозможно, потому что «свѣдѣнія, добытыя о противникѣ въ мирное время, представляютъ данныя весьма гадательныя уже по самому свойству ихъ, какъ зависящія исключительно отъ свободной воли противника»; на полѣ же сраженія онъ хотя и изучается, но въ сущности занятіе это со-

собой ничего общаго. Вслѣдствіе этого генеральный штабъ, будучи, дѣйствительно, вспомогательнымъ органомъ начальника по управленію войсками, въ концепціи Мольтке является логическою необходимостью, тогда какъ у насъ, при нашемъ взглядѣ на командованіе представляется безнадежнымъ, сплошнымъ недоразумѣніемъ.

Э. Х. Калнинъ.

